

*С неугасаемой любовью и сердечной благодарностью
моим родителям БРАТЧИКОВЫМ Станиславу Петровичу
и Майе Ивановне посвящаю*

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ФИНЛЯНДИИ 1810–30-х годов

Н. С. БРАТЧИКОВА,

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой
финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова»
(г. Москва, РФ)*

Заслуга XVIII в., известного своими просветительскими идеями, состоит в отказе от клерикального мировосприятия и игнорирования конкретной этнографической картины. Возникла потребность в непосредственном наблюдении и фиксировании особенностей языка и культуры народов, находившихся в тени от так называемых священных древностей. Интерес лингвистов, географов и историков переместился с центральной части Европы на ее периферию, а также на Сибирский регион. Предметом сопоставительных исследований стали эстонский, эрзянский, удмуртский и марийский языки. Особое внимание уделялось языковому своеобразие и культурной специфике саамов, проживавших на севере Финляндии¹. Были собраны некоторые сведения о языке хантов; даны описания народов и языков Урала и Сибири².

После тщательного анализа венгерского, финского и саамского языков ученые доказали их генеалогическое родство³. Введенные в научный оборот лингвистические и этнографические данные позволили к началу XIX в. **выяснить реальность** родственных отношений между языками, сделать выводы о структурных особенностях языков, в том числе финно-угорской группы⁴. Фактически труды по описанию языков севера Финляндии и

уральской территории России послужили связующим звеном между европейскими и сибирскими исследованиями. Можно говорить об уверенно складывавшемся к началу XIX в. научном направлении – финно-угристик⁵.

Выявление генетических связей невольно привело ученых-лингвистов к размышлениям о языке-источнике, праязыковой диалектной общности. Идея о возникновении языков мира из одного источника и родственных связях между ними никогда не была чужда ученым, хотя их взгляды на данный вопрос противоречили друг другу. Так, немецкий философ В. Лейбниц (Leibniz, 1646–1716) не считал древнееврейский праязыком, в то время как финский ученый М. Халлениус (Hallenius, 1699–1748) **верил в возможность** происхождения финского языка от древнееврейского, видя в последнем первооснову всех языков. По его мнению, финский язык в свою очередь выступал в роли праязыка для готского, саамского, эстонского и славянских языков. Ученые теолог Э. Каянус (Cajanus, 1675–1737) и профессор «священных языков» Д. Юслениус (Juslenius, 1676–1752) рассматривали финский язык как «первородный», появившийся в результате божественного акта после вавилонского столпотворения наравне с древнееврейским и древне-

© Братчикова Н. С., 2016

греческим. Юслениус проводил лексические параллели между финским, древнееврейским и древнегреческим языками. Финский пастор К. Ганандер (Ganander, 1741–1790) планировал составить четырехязычный древнееврейско-финско-саамско-шведский словарь лексических соответствий.

Ученый второй половины XVIII в. Х. Портан (Porthan, 1739–1804) отверг теорию древнееврейского и скифского происхождения финнов и родственных им народов. Он утверждал, что прародиной финно-угорских народов является побережье Каспийского моря, откуда они постепенно расселялись на юг. Портан представил список финно-угорских народов. Родственными финнам народами он называл черемисов (марийцев), мордву, остяков, пермян, зырян, чувашей и манси⁶ и предлагал создать сравнительный словарь языков финно-угорских народов [1, 91–92].

В целом лексикографические занятия финских исследователей служили базой для сравнительного подхода к языкам.

На активизацию изучения финского языка и проведения сравнительно-исторических исследований оказал огромное влияние известный датский лингвист Р. Раск⁷ (Rask, 1787–1832), который посетил Турку в 1818 г. Сформулированный им важнейший для компаративистики принцип регулярности соответствий относительно «буквенных» переходов из одного языка в другой был использован основоположником сравнительной уралолистики профессором М. А. Кастреном (Castren, 1813–1853) при рассмотрении финно-угорских и самодийских языков. А. И. Шёгрэн (Sjögren, 1794–1855), основатель российского финно-угроведения, приступил к изучению близкородственных финскому языков⁸.

В финском языкознании возник интерес к этимологии слов и обозначаемым ими культурным явлениям. Следуя идеям немецкого теолога, историка культуры и создателя исторического понимания искусства И. Гердера (Herder, 1744–1803), говорившего о языке как о выражении

духовной жизни народа, финский ученый Портан считал, что язык отражает историю развития народа. Для финского языкознания он открыл тему «жизни слов», дав на основе этимологического анализа слов полную картину культуры и быта доисторической эпохи финского народа и попутно определив места его обитания. До Портана для определения прародины финского народа практически не использовались данные языка, связанные с географией растений, животных и орудий труда. Заслуга ученого заключается в том, что задолго до зарождения в середине XIX в. лингвистической палеонтологии⁹ он заложил основы этой отрасли в финском языкознании [4, 14].

Призыв Гердера собирать народные песни, сказания, сказки как памятники прошлого перекликался с живейшим интересом финского профессора риторики, равно и других ученых из Финляндии, к фольклорным разысканиям, осознанию огромной эстетической ценности народной поэзии и ее значения для развития литературы. В Финляндии появились основательные исследования фольклора финнов и карел. Ганандер собирал финские и карельские народные сказания, песни¹⁰. В 1783 г. он издал сборник загадок финского народа, в 1789 г. – первое в финляндской науке исследование финской мифологии.

К началу XIX в. в Финляндии накопился некоторый опыт лексикографической работы¹¹, относительно которой будут справедливы следующие наблюдения.

Во-первых, лексический материал подавался списком, который испытывал на себе воздействие иноязычных культур. Список включал слова, совершенно чуждые финской повседневно-бытовой жизни. Иногда составитель приводил описательный комментарий, объяснявший лексическое значение иностранного слова, например в латино-шведско-финском словаре “*Varium Rerum Vocabula Latina, cum Svetica et Finnonica Interpretatione*” (1644) значение латинского слова *sorex* ‘землеройка-бурузубка’ раскрывалось как *hiiri, jolla on kärsä* ‘мышь с хоботком’ [5, 35]. Введение

в словарь непонятных северной культуре слов обуславливалось механистичностью самого принципа составления лексиконов XVIII в., так как их основой служили латиноязычные фолианты.

Во-вторых, в словарях отсутствовал лингвистический комментарий. Объем словарей не превышал двух тысяч лексических единиц.

В-третьих, практическим назначением глоссариев было предоставление слов из латиноязычных текстов на знакомом читательской аудитории финском языке. Это давало возможность преодолеть трудности при чтении литературы, объем и содержание которой подвергались существенным изменениям. Со временем письменные тексты стали носить разноплановый характер: на фоне традиционной разнообразной религиозной литературы появились литературные памятники, знакомящие с иными национальными культурами. Перед составителями словарей встала задача изобретения финских слов, объясняющих жителям Севера неизвестные реалии.

В-четвертых, в конце XVIII в. состояние общефинского письменного языка характеризовалось невысоким уровнем развития, односторонним функционированием лексики, преимущественно в бытовой сфере. К началу XIX в. в науке, образовании и богослужении Финляндии использовались только латинский и шведский языки.

Наконец, с развитием лексикографической практики формировалась культура составления словарей, увеличивался их объем и нарастала содержательность. Со временем словарная литература стала больше соответствовать требованиям, предъявляемым наукой и культурой, так что в XIX в. лексикографические труды сформировали особый раздел финской книжности и заняли видное место среди явлений культурной жизни страны.

Постепенно объектом научных исследований становится собственный письменно-литературный язык, о чем говорят созданные к концу XVIII в. грамматики финского языка.

Первые грамматики финского языка, подобно первым грамматикам многих национальных языков, были большей частью подражательными относительно авторитетных латинских источников: грамматика латинского языка использовалась как эталон («матрица»). Однако, если сравнивать ранние грамматики финского языка с вариантами, появившимися в XVIII в., то надо отметить, что последние имели характер, более эмпирический по методу и нормализаторский по целям¹², например «Грамматика финского языка» (“Grammatica Fennica”, 1733) священника Б. Ваэля (Vhaël, 1667–1723) описывала четыре части речи финского языка, четырнадцать падежей и притяжательные суффиксы имен существительных.

С конца XVIII в. сфера интересов ученых-лингвистов расширилась от исследования грамматических форм до классификации диалектов финского языка.

Впервые Ваэль предложил систему членения финского языка на четыре основные группы диалектов, среди которых выделил турусскую (Dialectus Aboica), северную (Dialectus Botnica), восточную (Dialectus Sawonica) и карельскую (Dialectus Carelica).

Другой финский исследователь, Э. Ленквист (E. Lenggqvist, 1722–1766), уделяя особое внимание диалектам Южной Финляндии, осуществил попытку установления границ между диалектами, указав отличительные черты каждой группы:

1) южнофинский (турусский) диалект, которому свойственны быстрый темп речи, краткие формы слов и усечение аффиксов в середине и конце слова;

2) ботнический диалект, который включает в себя наречия провинций Хяме и Сатакунты, характеризуется медленным темпом речи, полными формами слов, дополнительным придыхательным *h* между долгими гласными (*saappaan* ‘в сапог’ – *saaphaan*, *kalaan* ‘в рыбу’ – *kalahan*, *luetaan* ‘читают’ – *luetahan*) и дополнительным гласным звуком «шва» для облегчения произношения сочетаний согласных (*jalka* ‘нога’ – *jalaka*, *kylmä* ‘холод-

ный' – *kylymä/kylömä, silmä* 'глаз' – *silimä, silemä*);

3) савоский диалект, в котором звук *d* опускается или заменяется полугласным согласным (*vedessä* 'в воде' – *veessä, tiedän* 'знаю' – *tijän, aidat* 'заборы' – *aijat*), происходят регулярные замены долгих гласных *a* и *ä* на дифтонги (*maa* 'земля' – *moa, pää* 'голова' – *peä*). К данной группе Ленквист причислял карельский и ингерманландский диалекты.

Позднее Портан продолжил изучение диалектов финского языка и разделил их на две основные группы: «общее наречие» (*dialectus communior*) и савоское наречие (*dialectus savonica*). Он описал характерные черты савоского диалекта: чередование ступеней согласных (*kota* 'дом' – *koan, suku* 'род' – *su'un*), формы личных местоимений (*myö, työ, hyö* вместо стандартных *me* 'мы', *te* 'вы', *he* 'они'). Лингвист указал сферу распространения территориальных языковых форм, в частности «общее наречие» функционировало в большей части страны. На нем оформлялись литературные и церковные тексты. Это также был церковный язык. Савоское наречие было распространено в губернии Саво, центральной Финляндии, районе Каяни и в Карелии. Савоский диалект – это язык устно-народного творчества [5, 56].

В дальнейшем исследование диалектов финского языка стало центральным направлением в развитии финского языкознания и выделилось в самостоятельную область – диалектологию. XIX в. в финской культурной жизни отмечен таким уникальным явлением, как «борьба диалектов», вызванным дискуссией о праве того или иного диалекта послужить основой литературного языка [2, 69–73].

Получение Финляндией автономии¹³ подтолкнуло ученых-лингвистов к более активному изучению финского языка. Так, священник Й. Стрöльман (*Strählman, 1749–1840*) издал «Граматику финского языка для финнов и не-финнов»¹⁴ (*“Finnische Sprachlehre für Finnen und Nicht-Finnen”*). Пособие предназначалось для русскоязычных слушателей духовной се-

минарии, направлявшихся на службу в лютеранские приходы Российской империи¹⁵. Книга представляет парадигму спряжения возвратных глаголов на языковом материале восточных диалектов и завершается финско-венгерским словником.

В 1818 г. финский поэт-просветитель, драматург и общественный деятель Я. Юден (*J. Judén, 1781–1855*), известный в истории национальной литературы под псевдонимом Я. Ютейни (*J. Juteini*), издал на шведском языке «Опыт грамматического описания финского языка» (*“Försök till utredande af Finska språkets grammatik”*). В пособии описывались только те языковые аспекты, которые, по мнению составителя, требовали подробного рассмотрения. Ютейни по-новому взглянул на падежную классификацию, отказавшись от принятого в финском языкознании деления словоформ с учетом морфологического показателя и выстроил парадигму в зависимости от функционального назначения словоформы. В частности, адессивные конструкции с аффиксом *-lla/-llä* подразделялись на три группы: первая выражает наличие чего-либо по модели *X: lla on jotakin* 'X имеет что-то' (*Minulla on koira* 'У меня есть собака'); вторая обозначает пространственное, чаще горизонтальное, положение *X: lla on jokin* 'На поверхности X что-то находится' (*Pöydällä on kirja* 'На столе лежит книга'); третья указывает на способ осуществления действия *tehdä jollakin* 'делать с помощью чего-либо' (*Kirjoitan kynällä* 'Пишу ручкой').

Ютейни выступил реформатором орфографии финского языка, приблизив ее к современному оформлению¹⁶ [9, 74]. Он предлагал создать единые для всех диалектов финского языка орфографические правила, а именно обозначать долгие звуки двойной гласной. После знакомства в 1818 г. с датским лингвистом Р. Раском исследователь решил ввести в финский язык по аналогии с венгерской орфографией диакритический знак, акут, для обозначения долготы гласного звука на письме: *á, é, í, ó, ú*, который использовал в

своей книге для детей, опубликованной в 1819 г. Впоследствии он отказался от этой идеи¹⁷ [9, 76]. Ютейни считал целесообразным исключить из употребления укоренившиеся в старофинском языке заимствованные буквенные сочетания *x* и *tz*. Взрывные согласные звуки, следующие за носовыми, а также переднеязычный *t* после латерального согласного *l*, по версии лингвиста, должны были сохранять историческое написание через мягкие взрывные *b* или *d*: *lembeä, kulda*¹⁸.

Ученый выступал за укрепление статуса финского языка, поскольку, как и все фенноманы¹⁹, был убежден в том, что престиж языка необходим для развития национального самосознания: «Язык — это железный обруч, который сплавливает весь народ»²⁰. Поэт много сделал для популяризации финского языка прежде всего у себя на родине, в Финляндии. Так, он был первым, кто писал пьесы, новеллы и стихи только на финском языке. С современных позиций язык и стиль его произведений воспринимаются как неуклюжие, излишне дидактические, а юмор — как примитивный и грубый. Однако для манеры письма ученого характерны раскрепощенность и гибкость. Язык Ютейни был близок к общефинскому разговорному, так как он считал, что писать надо так, как говоришь, а не наоборот. В начале XIX в. границы между литературными жанрами были очень подвижными, что давало возможность писателю попробовать свои силы практически в каждом из них: он был автором научных и художественных текстов, смешных рассказов и страшных историй о привидениях, философских эссе и составителем пословиц, автором букваря и грамматики. Его можно считать родоначальником детской литературы на финском языке²¹.

Самым популярным в Финляндии того времени считалось произведение Ютейни «Песнь Финляндии» (“*Laulu Suomessa*”), известное в истории литературы под названием «И мы достойны уважения». Оно задумывалось как гимн, и в отличие от ставшего официальным гимном Финляндии стиха Рунеберга (Runeberg,

1804–1877) «Наш край» (“*Maamme*”)²² в нем поется о процветающей державе, в которой живут красивые, просвещенные и отважные люди.

Среди исследователей финского языка начала XIX в. ведущим ученым-фонетистом признан священник Г. Ренвалль (Renvall, 1781–1841), который начал языковедческую деятельность с диссертации о правилах финской фонетики и орфографии (“*De orthoëpia et orthographia linguae Fennicae*”, 1810–1811). Он выступал за проведение реформы финского языка, предлагал отказаться от заимствованных буквенных сочетаний и провозглашал принцип фонематического письма [5, 67]. Ренвалль проводил сравнительные исследования, например, финской падежной парадигмы и предложной системы шведского языка (“*De signis relationum nominalium*”, 1815–1817), подготовил к изданию «Граматику финского языка». К сожалению, она не была опубликована. В ответ на замечание датского лингвиста Раска²³, занимавшегося северными языками (к которым помимо скандинавских причислял саамский и финский), об отсутствии пригодных для проведения обширного сопоставительного исследования словарей финского языка, ученый издал словник “*Suomalainen Sana-Kirja — Lexicon linguae Finnicae*” (1826), ставший основой для последующих лексикографических проектов.

Особенности морфологического строя финского языка Ренвалль описал в манускрипте “*Finsk Språklära, Enligt de Rena Vest-Finska, i Bokspråk vanliga Dialecten*”²⁴ (1840), опираясь на материал западной группы диалектов и стараясь по возможности избегать иностранных лексических заимствований. Труд не получил должной оценки современников, потому что к моменту его издания западные группы диалектов уже не были столь популярны среди лингвистов²⁵. Им на смену пришли восточные диалекты и так называемый калевальский народный язык [5, 68], ставшие известными благодаря активной культурно-просветительской деятельности видного представителя фенно-

манского движения языковеда Э. Леннрота (Lönnot, 1802–1884).

К концу XVIII – началу XIX в. языкознание достигло высокой степени зрелости, что позволило ему порвать с зависимостью от богословия²⁶, рабского копирования идей и принципов философии и логики (например, принципа логицизма в лингвистике). Помимо филологических и богословских стали создаваться отдельные языковедческие кафедры. Финляндия также не оказалась в стороне от этого процесса. По многим аспектам лингвофилософской европейской мысли финские ученые ничуть не отставали, а следовали ей согласно духу времени. Они были прекрасно знакомы с трудами выдающихся зарубежных философов и лингвистов.

В Европе с именем немецкого философа-просветителя Гердера связано возникновение романтизма с его обостренным интересом к прошлому²⁷. Идеи ученого соответствовали задачам современности, поставленным передовыми мыслителями Финляндии, а именно: объединить народ в нацию, развить национальное самосознание и получить государственно-политическую независимость. Борьба за расширение общественно-гражданских и культурных функций финского языка приобрела практическую политическую значимость. Литература и язык рассматривались как приоритетные направления в борьбе за национальную независимость.

По мнению национально настроенных писателей, в частности священника и поэта А. Поппиуса²⁸ (Poppius, 1793–1866), финский народ должен был доказать, что может существовать без Швеции, ее языка и нравов²⁹. Эти устремления и честолюбивые планы местной интеллигенции совпадали со стратегической целью, поставленной на Боргоском сейме (1809 г.) императором Александром I: **дать финскому народу «бытие политическое, чтоб он считался не поработанным России, но привязанным к ней собственными очевидными пользами»** [2, 104].

Отвечая требованиям и вкусам времени, Поппиус писал стихи на восточном, савоском, диалекте финского языка.

В 1818 г. он издал диссертацию «Формы возвратных глаголов финского языка», в 1819 г. помог Х. Р. фон Шрётеру перевести на немецкий язык финские народные песни³⁰. Первый поэтический сборник Поппиуса был опубликован в газете «**Oskyldigt Ingenting**», издаваемой А. Арвидссоном. Позднее газета «Мнемозина» (“Mnemosyne”) напечатала несколько его рун³¹. Поэт черпал вдохновение в устной народной поэзии, следовал ее традициям, пользуясь художественными приемами народных песен: соблюдая калевальский размер, аллитерацию и повторы, например:

<p>Neitsyt Maria emonen kerran käyskeli kesällä niitun nurmella ihanan; Kävi tuulta tuntemassa, Ilmoja ihailmassa, pienen poikansa keralla. Viimein lehdossa levähti, pimennossa pihlajaisen, tuomen kukkivan kuvassa. Poika pienoinen sylihin Kultakukkia kuletti, Sitoi niistä seppeleisen, Kruunun ruusuista rakensi, Sillä solmesi somasti Äitin päätä päärlytöintä³².</p>	<p>«Дева-магушка Мария как-то летним днем гуляла на красивой полянке; Ходила, ветерком наслаждаясь, чудным воздухом восторгаясь, со своим сыночком маленьким. Наконец, в роще отдохнула, в тени рябинушки, под сенью цветущей черемухи. Сыночек крохотный к груди Поднес цветочки золотые, Сплел из них веночек, А из роз корону сделал, Ею он украсил чудно Матери головку жемчужовую»³³.</p>
---	--

Национально настроенные люди поддерживали и высоко оценили эти стихи, однако шведоязычная читательская аудитория не вдохновилась лирикой Поппиуса. Тем не менее свою задачу поэт выполнил: его творчество продемонстрировало народу Финляндии те культурные и моральные ценности, которыми он неведомо для самого себя обладал. Сочиняя лирические тексты на финском языке, Поппиус наглядно показал такие его возможности, как способность выражать возвышенные романтические чувства и абстрактные категории, рифмоваться (в стихах ощущается тяготение к перекрестной рифме) и создавать выразительные средства худо-

жественной речи (метафоры и сравнения).

В первую декаду XIX в. финское общество охватил национальный подъем, известный в истории культуры Финляндии как период «туруского романтизма». Стали активно издаваться финноязычные газеты, среди которых наиболее популярным был «Туркуский еженедельник» («*Turun Wiikko-Sanomât*»), издаваемый в 1820–1822 гг. писателем и исследователем финского языка Р. фон Беккером³⁴ (R. von Becker, 1788–1858). Содержание его материалов расширяло взгляды финноязычного населения на мир и представления об окружающих предметах и явлениях³⁵.

В 1824 г. Беккер опубликовал грамматику финского языка «*Finsk grammatik*», написанную на восточном, савоском, диалекте, который, по мнению автора, отражал «самые характерные черты финского языка»³⁶. Исследователь сетовал, что «...к большому сожалению, первые финские книги писались на очень плохом языке, которым владели жители прибрежной части страны». Такой язык являл собой смешение флексий из шведского и латинского, «уродуя прекрасный понятный язык», т. е. восточную группу диалектов. Буквально повторяя слова Ютейни, Беккер утверждал, что «не книги создают язык, а язык формирует книги, поэтому книги следует переписать» [10].

Языковед был уверен в необходимости и значимости единого литературного языка. Однако при обилии диалектных вариантов остро встал вопрос, какой из них выбрать за основу литературного языка. Ситуация складывалась следующим образом: долгое время традиция финского книгопечатания опиралась на западную группу диалектов, однако большой объем литературы на восточных диалектах инициировал в первой половине XIX в. горячую дискуссию о приоритетности той или иной группы диалектов, известную в истории языка и культуры как «борьба диалектов»³⁷.

В пользу западной группы диалектов выступали традиционное использование ее при написании церковной и юридиче-

ской литературы, а также авторитет ученого Ренвалля, издавшего словарь финского языка (1826) на ее основе и таким образом утвердившего нормы орфографии. Сторонники восточной группы диалектов (Р. фон Беккер, С. Роос, К. Кеккман, Э. Леннрот, К. Готлунд) активно отстаивали ее преимущество в формировании единого литературного языка, так как, по их мнению, она отличалась большей благозвучностью, более широким арсеналом языковых средств, а также бытованием на ней фольклорных материалов. Раздавались компромиссные предложения: либо объединить «лучшие черты каждой из групп» в одном литературном языке (Беккер, 1824), либо «оставить все как есть, пусть каждый говорит и пишет на том диалекте, который знает, а единый язык со временем сформируется» (Готлунд, 1831)³⁸.

Спор развернулся вокруг целесообразности использования буквы *d*, поскольку звук [d] и соответственно буква *d* отсутствовали в восточных диалектах³⁹. Одни лингвисты выступали за отказ от нее (Беккер), другие – за ее сохранение (например, Готлунд, Кеккман, Леннрот, Ренвалль). Полемика длилась не один десяток лет, то затухая, то вспыхивая вновь. Любое заметное лингвистическое событие, как то публикация карело-финского народного эпоса «Калевала», написанного на восточных диалектах (1835), или грамматики финского языка Ренвалля (1840), составленной на западных диалектах, вызывало дискуссию о приоритетности той или иной диалектной группы. В 1840-х гг. было решено прекратить поиск лучшего диалектного варианта и взять за основу единого литературного языка западные диалекты при обогащении лексики за счет восточных диалектных групп.

Знаковым событием для научно-культурного сообщества стало открытие в 1827 г. Императорского Александровского университета (Хельсинкский университет)⁴⁰. В 1829 г. на должность лектора финского языка был назначен сотрудник библиотеки, ревностный собиратель фольклора К. Кеккман (Kekckman,

1793–1838)⁴¹ [8, 48]. Он входил в число основателей «Общества финской литературы» (1831) и был одним из первых в плеяде выдающихся переводчиков европейской художественной и философской литературы⁴².

В просветительских целях Кеккман перевел на финский язык книгу немецко-швейцарского писателя Г. Чокке (Zschokke, 1771–1848) «Делатели золота» (“Das Goldmachedorf”, 1817)⁴³. Перевод был опубликован под названием «Култала. Забавная и поучительная история всему народу для чтения» (“Kultala. Hyödyllinen ja huvittava historia, yhteiselle kansalle luettavaksi annettu”)⁴⁴. На примере этого произведения рассмотрим особенности финского языка начала XIX в. Однако прежде опишем сложившуюся в стране языковую ситуацию.

В начале XIX в. существовали следующие формы финского языка: разговорный народный язык (puhuttu kansankieli) в различных диалектных вариантах, церковный язык (kirkkokieli), юридический язык (lakikieli), мирской вариант литературного языка (profaani kirjakieli), калевальский язык (kalevakieli)⁴⁵ и более поздняя форма народной эпической песни (руна) (uudempi kansanruno).

Новоявленному лектору финского языка, безусловно, все эти формы были известны. В провинции, где родился Кеккман, население говорило на северно-западном диалекте. В целом по стране разговорный язык представлял собой местные варианты финского, который в приходах использовали священники, в городах – купцы и представители буржуазии, хотя рассуждать о едином финском языковом сообществе было бы преждевременно. Обучение, в том числе в Оулу, родном городе лингвиста, велось на шведском языке. Наряду с латынью существовал церковный финский язык, который складывался на основе юго-западного диалекта. Письменный финский язык включал в себя черты разговорного языка прежде всего юго-западной части Финляндии, к которому постепенно привлекались языковые ресурсы восточных диа-

лектов. Язык юриспруденции находился в процессе формирования. Калевальский язык бытовал в устно-поэтической форме, локализованной на северо-востоке Финляндии. Это был язык свадебных и колыбельных песен, плачей, сказаний и причитаний [3, 393]. Язык светской литературы продолжал развиваться благодаря различным новостным сообщениям из мира географических открытий, исторических фактов, открытий в области естествознания, художественных творений.

Обратимся к анализу языка произведения Кеккмана «Култала».

В плане орфографии автор сочинения придерживался принципа обозначения на письме звука [d] буквой *d*⁴⁶.

В языке рассказа отмечаются непоследовательность и нерегулярность в оформлении некоторых грамматических категорий, что было свойственно финскому языку первой половины XIX в.

Написание имен, обозначающих производителя действия, с аффиксом *-ja* варьировалось в зависимости от того, на какую гласную оканчивалась основа. Так, если основа оканчивалась на передне- и среднеязычный гласный, морфема *-a* опускалась: *kullantekiäin kylä* ‘деревня золото-старателей’ (*kullantekijöiden kylä*), *lukia* ‘читатель’ (*lukija*); после заднеязычных гласных сохранялась: *katsoja* ‘зритель’.

Слова, оканчивающиеся в современном финском языке на *-ea/-eä*, оформлялись через *-i*: *leviä* ‘широкий’ (*leveä*); *oikia* ‘правый, правильный’ (*oikea*), *vaikia* ‘трудный’ (*vaikea*).

Показатель множественного числа *t* в номинативе присоединялся к исходной словоформе на *-e* без удвоения конечного гласного основы: *puhe* ‘речь’ – *puhet* ‘речи’ (в современном финском *puheet*); *tarve* ‘нужда, потребность’ – *tarvet* (*tarveet*); *vaate* ‘одежда’ – *vaatet* (*vaatteet*).

Окончание адессива *-lle* порой имело форму на *n*: *arennillen* ‘для ренты’.

Дифтонг, оканчивающийся на *-i*, оформлялся нерегулярно: *hevoinen* ‘конь’ (*hevonen*); *melkeen* ‘почти’ (*melkein*); *tietämätöin* ‘неизвестный’ (*tietämätön*); *onnetoin* ‘несчастливый’.

В конце слова при присоединении усилительных частиц *-kin*, *-kaan/-kään*, *-pa/rä* фиксировалось удвоение согласной, например: *ei olekkaan* ‘полностью отсутствует’; *otappas* ‘возьми-ка’.

В морфологии финского языка начала XIX в. непоследовательностей было также много; самыми заметными из них выступали формы окончаний глаголов 1-го и 2-го лица множественного числа, которые иногда соответствовали современным формам, т. е. оканчивались на *-e*, иногда – формам, свойственным диалектам округа Оулу и старофинскому языку, и заканчивались на *-a*: *Jos nyt vedellä valkiata sammutatte* (совпадает с современной формой окончания глагола), *miksikä epäilettü* (современная форма *epäilette*) ‘Если сейчас вы водой потушите огонь, то почему же вы боитесь’ [8, 20].

Форма генитива множественного числа была более регламентирована, чем в современном языке: для одноосновных слов окончанием выступал аффикс *-in* (*köyhäin* ‘бедных’, *leskein* ‘вдов’, *orvoin* ‘сирот’, *muutamain* ‘некоторых’); для двухосновных слов – *-ten*: *rikasten* ‘богатых’, *ruoka-tarvetten* ‘продовольственных потребностей’.

Кеккман активно использовал рефлексивные формы, столь распространенные в восточной группе диалектов: *olisivat peräyneet* ‘отказались бы’, *antausivat* ‘отдались’, *hukkaupi* ‘затерялся’, *kokounut* ‘собрался’, *pistäytä* ‘заглянуть’, *velkauneet* ‘задолжал’.

В рассказе четко зафиксированы языковые тенденции, характерные для начала столетия, в частности широкое употребление форм 1-го инфинитива пассивного залога с аффиксом *-tta/-ttä*: *millä neuvoilla vaivaistenhoito parahiten taitaisi autettaa* ‘какими способами лучше всего помочь страждущим’; *yhteiset velat taitaisiin puilla maksettaa* ‘общие долги, по-видимому, следовало бы выплачивать дровами’. Кстати, Кеккман, исследовав залоговые связи глагольных форм, пришел к выводу, что финский пассив не имеет ничего общего с категорией пассива в индоевропейских язы-

ках и является, скорее всего, имперсоналом. Ученый сравнил формы возвратных глаголов с возвратными формами в северо-западном диалекте [8, 5].

Морфолого-орфографическая особенность финского языка – служебная частица *-han/-hän* ‘ведь, же, -ка’ – оформлялась во времена Кеккмана как самостоятельное слово: *Ihmisiä hän mekin olemma* ‘Людьми же мы являемся’; *Et hän sinä tiedä mitään* ‘Ты ведь не знаешь ничего’. Изредка встречалось слитное написание: *Kyllähän ne kaikki tunnettiin* ‘Они непременно знали все’.

Синтаксические конструкции имели черты заимствований из шведского и немецкого языков, в частности превалировали, по сравнению с современным синтаксисом предложений, формы 1-го инфинитива: *Ja siihen apua löytää oli vaikia asia* ‘И для этого случая найти помощь было сложно’; *Niin vähästä karjasta saada niin paljon voita ja juustoa, sepä nyt oli eriskummainen konsti* ‘Получить от такого маленького стада столько много масла и сыра, это ли не было чудом’; *Puita polttaa on rahaa polttaa* ‘Деревья сжигать все равно, что деньги жечь’.

Кеккман широко использовал конструкции, заменяющие придаточные предложения-эквиваленты: *Pappi arveli olevansa* ‘Священник думал, что он существует’; *Tiettiin rahat olevan hyvässä tallessa ja vuokrat oikiällä ajalla maksettavan* ‘Люди знали, что деньги хранятся в надежном месте и арендная плата производится в нужное время’. Были распространены инфинитивные конструкции, например: *Tultuansa ulos tullista, puhkesi hänen sydämensä ja hän itki katkerast* ‘После того как он вышел из здания таможи, его сердце дрогнуло и он расплакался’; *Joivat juotavansa* ‘Они выпили свое питье’.

Употребление союзов в современном и старофинском языках различно. Составной союз *taikka – eli (kkä)* соответствует по значению современному *joko – tai* ‘либо – либо’: *Kaikkia näitä oli hän taikka itse nähnyt eli kirjoista* ‘Все это он либо

видел сам, либо читал в книгах'. Кроме того, союз *eli* употреблялся в разделительном значении по аналогии с современными союзами *tai* и *vai* 'либо', 'или'⁴⁷: *vieraita kaupungista eli muista kylistä* 'гости из города либо из других деревень' [8, 20].

Подчинительный союз *koska* 'потому что' употреблялся в темпоральном значении 'когда'. В каузативной функции выступал подчинительный союз *sillä että* 'потому что, поскольку, так как': *Sillä että useimmat kylässämme ovat velkaa rikkaille, tekevät rikkaat mitä tahtovat* 'Богачи делают все, что хотят, так как большинство в нашей деревне им должны'.

Придаточные предложения с относительными союзами имели свои особенности.

Союз *joka* 'который' присоединял придаточные определительные, указывая на одушевленные имена существительные: *Joilla ei ollut omia huoneita, ne otettiin vaivaisten huoneeseen* 'Тех, у кого не было собственных комнат, разместили в богадельне'. Здесь союз *joka* принимает форму *joilla* мн. ч. (аффикс *-i*) внешнеместного падежа адессива (аффикс *-lla*) со значением 'у которых'. В других случаях использовался союз с основой на *ku-*: *Eri huonet, kussa ruat keitettiin* 'Разные помещения, в которых готовилась еда'; *Hänellä oli kirja, kuhun kaikki olivat kirjoitetut* 'У него была книга, в которую он всех записывал'. Если коррелирует отсутствовал, употреблялся союз с основой на *mi-*: *Katossa säilytettiin, mitä oli tarpeiksi ostettu* 'Люди хранили на чердаке, что купалось для различных нужд'.

Структура сложного предложения служила риторическим целям. Так, предшествование придаточного относительного главному предложению позволяло придать синтаксической конструкции назидательный характер. По стилю такие предложения напоминали пословицы: *Jolla on karjaa, lähettäköön sen laitumelle* 'У кого есть скот, пусть тот отправит его на пастбище'; *Jossa olivat enimmäst krouvit, siinä mä havaitsen enintä köyhyyttä* 'Где больше всего кабаков, там я заме-

тил больше всего бедности'; *Jotka ovat vaivaisten huoneessa, niiden pitää tehdä työtä kahdeksan tiimaa päivässä* 'Кто живет в богадельне, те должны работать по восемь часов в день' [8, 21].

Говоря о лексическом составе финского языка начала XIX в., стоит отметить, что наряду с исконной лексикой выделялся большой слой заимствований, главным образом из шведского, немецкого и латинского языков, который охватывал в первую очередь терминологическую сферу финансово-экономической и юридической областей. В частности, понятие «рента» могло передаваться сразу несколькими иностранными словами *arrenti, intressi, rännty*. При этом лингвисты старались подобрать эквиваленты на родном языке, как то *vuokra, vuokraus; korko, korkoraha*. Некоторые термины создавались за счет исконных языковых средств, например слово «доход» обозначалось лексемами *tuotto* и *annot*, образованными с помощью аффикса *-o* от глаголов *tuottaa* 'приносить доход' и *antaa* 'давать (доход)'.

В словообразовании порой использовались способы, не свойственные морфологической структуре финского языка, в частности префиксальный по модели словопроизводства в шведском языке: *poiskadonnut* 'исчезнувший', в котором первым компонентом является наречие *pois* 'прочь, вон'; *alaspainetut* 'отпечатанный', образованное путем присоединения наречия *alas* 'вниз' к причестию 'напечатанный'. К префиксальному способу словообразования порой прибегают в современном финском языке, например: *aliarvioida* 'недооценивать', *allekirjoittaa* 'подписывать', *alleviivata* 'подчеркивать', *ylikyllästä* 'перенасыщать'.

В начале XIX в. в Финляндии благодаря самоотверженной работе Кеккмана, который составил полный список произведений, опубликованных на финском языке, получила развитие библиотечно-информационная деятельность. Список "Förteckning å härtills vetterligen tryckta Finska Skrifter", включавший 700 наименований, положил начало систематизированным библиотечным изданиям [8, 5].

Большое значение для становления финского языка и культуры имели научные общества, которые организовывались в первые десятилетия финляндской автономии, например в 1821 г. при Хельсинкском университете было воссоздано естественно-научное общество “*Societas pro Fauna et Flora Fennica*”, которое ставило задачу описания флоры и фауны на финском языке. Однако по мере осуществления проекта выяснилось, что работа невыполнима из-за недостаточной разрабатанности терминологии⁴⁸.

В 1830 г. в Хельсинки возник литературно-философский кружок «Субботняя беседа» (“*Lauantaiseura*”)⁴⁹, предметом дискуссий в котором были произведения и культурные события как в Финляндии, так и за ее пределами. На заседаниях кружка обсуждались философия и эстетика Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831). Труды великого немецкого философа серьезно заинтересовался один из известнейших фенноманов XIX в. писатель и журналист Й. Снельман (Snellman, 1806–1881), сыгравший ключевую роль в становлении финского языка в качестве государственного языка Финляндии.

Важным событием для совершенствования финского языка и пробуждения национального самосознания стало основание в 1831 г. «Общества финской литературы»⁵⁰. Его программа включала составление словарей, сбор, изучение и поддержку устного народного творчества. Кроме того, ставилась задача популяризации художественной литературы на финском языке⁵¹, но, поскольку к моменту создания организации таковая была представлена в небольшом объеме, общество приступило к переводам зарубежных произведений на финский язык.

В 1838 г. было образовано научное общество “*Societas Scientiarum Fennica*”, в структуре которого имелся историко-филологический отдел. Его публикации касались языковых проблем, в частности описывали варианты шведского языка в Финляндии. На страницах издания “*Acta*” Леннрот охарактеризовал тундровый ненецкий, оформив, однако, свои

научные наблюдения на немецком языке. Алквист опубликовал свои научные заметки, касавшиеся проблем финно-угристики. Он сравнил венгерский и финский языки, рассмотрел особенности водского и вепского языков, проанализировал лексику финского языка, напечатал некоторые разделы его исторической грамматики⁵².

Важную роль с точки зрения развития литературного финского языка и с учетом культурно-просветительских задач сыграло издание Леннротом ежемесячного журнала «Мехилиянен» (1836–1837, 1839–1840). Содержание альманаха составили фольклорные материалы, лингвистические заметки, в которых разрабатывалась научная терминология. Исследователь обратил внимание на наличие пролативных и возвратных форм в калевальских рунах, изучал случаи ассимиляции между звуками, образования падежной парадигмы, глагольного спряжения.

В целом общественно-политическая ситуация в Европе начала XIX в. складывалась благоприятно для развития Финляндии. На это время приходится первая волна национального пробуждения, выразившегося в проявлении интереса к историческому прошлому страны и устному народно-поэтическому творчеству. В этот период зародилось так называемое фенноманское движение, представители которого боролись за статус финского языка в общественно-политической жизни страны.

Многие исследователи (Портан, Ренвалль, Поппиус, Кеккман, Леннрот и др.) были знакомы с ведущими европейскими мыслителями того времени. Они активно обменивались научными идеями. Некоторые финские ученые открыли новые направления в национальном языкознании. Так, Ваэль и Портан заложили основы диалектологии финского языка, Портан дал начало лингвистической палеонтологии, Кеккман – библиотечному делу в Финляндии. Ренвалль разрабатывал орфографические нормы финского языка. Леннрот показал всему миру богатство культуры и оригинальность языка север-

ного народа, составив легендарную эпическую поэму «Калевала».

Интерес к финскому языку все больше приобретал научный характер и основывался на достоверных языковых фактах, а не на абстрактных идеях и политических амбициях. Грамматики и словари финского языка создали прочный фундамент национального языкознания. Необходимость выработать единый литературный язык породила широкую дискуссию, известную как «борьба диалектов», которая позволила ученым обратить серьезное внимание на местные языковые варианты. Перевод европейской художе-

ственной литературы открыл новые перспективы для развития языка, так как была осознана острая потребность в разработке специальной научной терминологии: ограниченная сфера употребления языка не позволяла в то время вести на нем ученые дискуссии. Финский язык первой трети XIX в. характеризовался определенной непоследовательностью и нерегулярностью в оформлении некоторых грамматических явлений. Тем не менее рассмотренный период истории финского языка можно назвать продуктивным этапом восхождения к вершинам научной мысли.

Поступила 08.07.2016

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский и германский историк А. Шлёцер (1735–1809) занимался изучением саамского языка. Он обратил внимание на родство финнов не только с эстонцами, но и с народами, проживавшими на севере России. Позднее с его трудами ознакомился видный финский просветитель, выдающийся ученый второй половины XVIII в. Х. Портан. В 1768 г. шведские исследователи Э. Линдал (E. Lindahl, 1717–1793) и Й. Ёрлинг (Erling, 1708–1778) издали словарь саамского языка *Lexicon Lapponicum* [6, 578].

² Например, ученый-теолог, впоследствии архиепископ Упсальский, Э. Бенцелиус (Benzelius, 1675–1743) интересовался вопросами истории Швеции, связывал ее некоторые аспекты с эпизодами саамской и финской культур. Финский просветитель А. Чудениус (Chydenius, 1729–1803) написал несколько трактатов по истории народов Швеции и Финляндии. Шведский историк фон Страленберг (von Strahlenberg, 1676–1747) издал книгу «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» (1730) (URL: <http://www.artladd.ru/magazine/all/2008/2/225/226>). Финский ученый, доцент «священных языков» Туркусского университета М. Халлениус опубликовал диссертацию о северной Финляндии. Немецкий историк и филолог Й. Фишер (Fischer, 1697–1771) в монографии «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» (1774) представил список языков народов Сибири. Он объективно оценил родство этих языков, однако допустил неко-

торые ошибочные утверждения, в частности что саамский язык является диалектом финского, а чувашский относится к группе финно-угорских языков [4, 9]. Огромный вклад в этнографическую науку внесли экспедиции в Красноярский край исследователей Д. Г. Мессершмидта (URL: http://www.kunstkamera.ru/index/300/5/5_4/), П. С. Палласа (URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pallas_ps.php), а также академиком Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина (URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/miller_gf.php).

³ Сходство этих языков было подмечено немецким философом и языковедом Лейбницем, который пытался обнаружить общие черты венгерского, финского, тюркских и монгольских языков. Финский ученый Й. Велин (Welin, умер в 1744) обратил внимание на родство венгерского и финского языков, указав 566 лексических соответствий (URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Johan_Welin). Венгерский католический священник Я. Шайнович (Sajnovics, 1733–1785) в 1770 г. заметил сходство венгерского и саамского языков. Финский ученый Портан сравнивал финские, венгерские и саамские слова, чтобы убедиться в их языковом родстве, и пришел к справедливому заключению об отдаленности данных языков, при этом указав на большее сходство саамского с языками финноязычных народов, проживавших на территории России [4, 11].

⁴ Некоторые ошибочные суждения ученых XVIII в. при описании языковых явлений связаны с господствовавшим в то время ло-

- гицизмом, который способствовал активному использованию в трактатах о языке принципа универсализма. Невнимание к конкретным грамматическим категориям явилось результатом следования общепринятому трафарету при описании языков.
- ⁵ Первые компаративистские труды, в которых предметом исследования был финский язык, датируются XVII в. В 1671 г. шведский ученый Г. Стиерхельм (G. Stiernhielm, 1598–1672) охарактеризовал сходство саамского (лапландского), финского и эстонского языков, а также отметил несколько похожих слов в финском и венгерском. Примерно в это же время великий герцог Тосканы Козимо III Медичи поручил немецкому врачу М. Фогелю описать финский и венгерский языки. Фогель попытался найти связь между финским, саамским (лапландским) и венгерским языками. Таким образом, Стиерхельм и Фогель были первыми, кто указал на языковую общность, которую позднее стали называть финно-угорской языковой семьей.
- ⁶ В свое время Портан писал архиепископу К. Ф. Меннадеру (Mennander, 1712–1786) о необходимости изучения русского языка для того, чтобы читать появившиеся на этом языке грамматики и списки слов уральских языков, распространенных на территории России [4, 11].
- ⁷ Раск по дороге из Стокгольма в Санкт-Петербург остановился в Финляндии, где в это время работали Портан, священник, доцент финского языка университета Турку Ренвалль и писатель, исследователь финского языка Беккер [2, 165]. Изучив бакский, исландский и финский языки на предмет грамматических соответствий, Раск не нашел таковых, однако его труды способствовали формированию и распространению научных взглядов на историю финского языка, а также отказу от псевдонаучных представлений о родстве языков.
- ⁸ Шёгрэн в 1820-е гг. изучал карельский и вепский языки. Он посетил Новгородскую, Вологодскую, Архангельскую, Вятскую, Казанскую и Пермскую губернии. По материалам экспедиций в «Записках Императорской Петербургской академии наук» были опубликованы сведения о зырянах, еми, чуди и ингерманландцах. Исследователь уделял большое внимание данным по этнографии, лингвистике, фольклористике, археологии, географии и топографии национальных губерний. Много времени он посвящал работе в местных государственных, церковных и личных архивах, оставив богатое научное наследие по памятникам письменности финно-угорских народов (URL: <http://www.rulex.ru/01250371.htm>).
- ⁹ Основоположником лингвистической палеонтологии в индоевропеистике считается А. Кун (1845). Швейцарский исследователь А. Пикте (1799–1875) разработал лингвистическое учение об индоевропейских «древностях» и методы лингвистической палеонтологии.
- ¹⁰ Талант Ганандера проявился в переводе на финский язык калевальским размером «Песни песней» (1786). Писатель свободно переложил «Русскую свадебную песню» (1787), продемонстрировав тем самым возможности финского языка [1, 101–102].
- ¹¹ Первым словарем с включенным в него финским языком считается словарь Э. Крогеруса “Lexicon Latino-Scondicum” (1637). В 1644 г. был издан латино-шведско-финский словарь “Variarum Rerum Vocabula Latina, cum Svetica et Finnonica Interpretatione”; в 1678 г. – словарь Х. Флоринуса “Nomenclatura Rerum Brevissima”. В 1745 г. увидел свет финско-латинско-шведский словарь Юслениуса “Suomalaisen sana-lugun koetus” (16 000 слов), который стал первым крупным произведением финской лексикографии. К концу 80-х гг. XVIII в. Ганандер подготовил рукопись большого финского словаря, который включал более 30 000 слов. Однако из-за отрицательной оценки Портана, который сам планировал издать подобный словарь, рукопись не была опубликована при жизни автора.
- ¹² Упомянем «Основы финского языка в кратком освещении» (1579), грамматики Кругеруса (1640), Петреуса (1649) и Мартиниуса (1689). Все подобные труды оформлялись на латыни.
- ¹³ Основы автономии Великого княжества Финляндского (1809–1917) были заложены решениями Боргоского сейма с участием депутатов от всех сословий финляндского общества, при этом император (великий князь) обязался «нерушимо хранить и оберегать» финляндские законы.
- ¹⁴ На титульном листе книги фамилия автора была написана по образцу немецкой – Johann Strahlmann (URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Johan_Str%C3%A5hlman).
- ¹⁵ Пособие создано на немецком языке. В целом оно имело много недостатков, поэтому получило отрицательный отзыв от таких известных лингвистов, как Шёгрэн, Беккер и Кеккман [5, 65].
- ¹⁶ Однако Ютейни, а равно и его современник, реформатор финского языка Ренвалль, не

- всегда были последовательны в соблюдении вводимых ими правил орфографии финского языка.
- ¹⁷ Позднее фенноман, лексиколог и активный сторонник открытия финноязычной школы Волмари Килпинен (Wolmar Styrbjörn Schildt, называвший себя Wolmari Kilpinen, 1810–1893) поддержал этот способ написания долгих гласных. Известный финно-угровед, поэт А. Генец (Genetz, 1848–1915) направил в Общество финской литературы инициативное предложение обозначать долгие гласные звуки акутом.
- ¹⁸ В современном финском языке они имеют написание *lempeä* ‘ласковый’, ‘нежный’; *kulta* ‘золото’.
- ¹⁹ Движение фенноманов явилось логическим продолжением феннофильского движения, которое возникло в конце XVII в. (основатель Д. Юслениус) и развивалось в течение всего XVIII века. Его активным сторонником был известный финский ученый Портан. Зародившиеся в начале XIX в. как результат недовольства широких слоев населения социально-общественным статусом финского языка фенноманские идеи быстро распространились среди передовой интеллигенции Финляндии. В академической среде активисты этого направления выступали за использование финского языка не столько в бытовой сфере (где он главным образом и употреблялся), сколько в научной и культурной, оформляя монографии, публицистические и художественные произведения на национальном языке. Основателями фенноманского движения считаются Й. Г. Линсен (Linsén, 1785–1848) и Ф. Бергбум (Bergbom, 1785–1830), издатели газеты «Мнемозина», а также А. И. Арвидссон (Arwidsson, 1791–1858), выпускавший газету «Або Моргонبلاد». Успех движения имел поступательный характер, случались поражения, но были и яркие победы, одна из которых, бесспорно, связана с учреждением в 1826 г. должности лектора финского языка в Гельсингфорском (Хельсинкском) университете.
- ²⁰ Жизнь писателя была полна взлетов и падений. Одни его признавали, другие отвергали. В частности, духовный капитул не допустил выхода в свет сочинения Ютейни «Мысли на разные темы», поскольку в нем содержались представления о церкви, противоречившие евангелистскому учению (URL: <http://www.vskas.net/2011/07/26/jaakkojuteini-viipurin-varikas-kirjailija>). Анонимный доносчик сообщил об этом в Петербург начальнику тайной полиции графу А. Бенкендорфу, который, в свою очередь, написал генерал-губернатору Финляндии А. Закревскому. Был издан приказ изъять все экземпляры произведения и начать судебное разбирательство. Суд приговорил Ютейни к штрафу в 300 рублей и постановил уничтожить весь тираж. Абоский надворный суд, в который поэт подал апелляцию, освободил его от уплаты штрафа, однако оставил в силе решение о ликвидации издания, и в начале 1829 г. на площади перед Абоским замком были сожжены 163 переплетенных и 27 переплетенных экземпляров. После этого Ютейни не издавал книг, а публиковал свои статьи и стихи в газетах и журналах, и прежде всего в «Вестнике» (фин. “Sanansaattaja”), основанном в 1833 г.
- ²¹ Во время празднования 200-летнего юбилея финляндского университета в 1840 г. Я. Ютейни было присвоено звание почетного профессора [7].
- ²² Произведение «Наш край» открывает цикл стихов «Рассказы прапорщика Столя» (швед. “Fänrik Ståhls sägner”), написанных финляндским поэтом шведского происхождения Ю. Л. Рунебергом. В нем говорится о моральных обязательствах человека и суровой красоте северного края. Перевод стихотворения со шведского на финский язык сделал П. Каяндер (Cajander, 1846–1913). В 1915 г. А. Блок перевел его на русский.
- ²³ Ренвалль преподавал Раску основы финского языка и представил последнему рукопись словаря финского языка, сделанную Ганандером. Так, видимо, и родилась идея создания объемного толкового словаря финского языка.
- ²⁴ Ренвалль оформлял свои научные исследования на шведском языке и размещал их в газетах, что способствовало распространению знаний о финском языке.
- ²⁵ Со времен М. Агриколы, т. е. с середины XVI в., основой письменного финского языка служила западная группа диалектов, что объяснялось расположением очага культуры и религии в юго-западной части Финляндии с центром в Турку.
- ²⁶ Немецкий писатель и теолог, историк культуры Гердер не признавал божественного происхождения языка. Из финских сторонников этой идеи назовем таких деятелей культуры, как Ютейни, Арвидссон и Готтлунд (С. А. Gottlund, 1796–1875), которые учились в одном из центров шведского романтизма – Упсальском университете и были связаны с Гердером узами дружбы.
- ²⁷ Романтизм получил распространение в Финляндии в начале XIX в., в период так назы-

- ваемого первого национального пробуждения.
- ²⁸ Поппиус был одним из первых финноязычных лириков и собирателем фольклорных текстов. Несмотря на церковный сан, он писал стихи светского содержания. Темы произведений были навеяны природными мотивами, а также сценами народной жизни. Помимо стихотворчества, священник переводил сочинения немецко-швейцарского писателя-просветителя Г. Чокке, в частности поучительную историю о вреде вина, которая была опубликована Обществом финской литературы в 1844 г. Из незаконченных проектов поэта любопытным является рассказ, по сюжету напоминавший историю приключений Робинзона Крузо, но только в условиях Финляндии, на островах Аланского архипелага, где герой скрывался от мести и ненависти герцога Карла (URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Abraham_Poppius).
- ²⁹ Начало XIX в. было для Финляндии судьбоносным во многих отношениях, и в первую очередь в геополитическом плане. По Фридрихсгамскому миру, Финляндия после шестивекового подчинения Швеции была присоединена к России на правах Великого княжества. Устанавливалась новая вертикаль власти, новая политическая парадигма, а вместе с ней изменилась национально-языковая политика. Создавались предпосылки для развития финской нации и ее культуры.
- ³⁰ Этот сборник под названием «Финские руны» (“Finnische Runen”), в котором представлены закликательная поэзия, эпические и лирические песни, был издан в Швеции.
- ³¹ При появлении финноязычной газеты в ней всякий раз размещались стихи поэта. Среди таких печатных изданий упомянем “Sanan Saattaja” в Выборге, “Maamiehen Ystävä” («Друг отчизны»), “Kanava” и “Suometar”.
- ³² А. Поппиус. Стихотворение «Рождение бабочки» (по мотивам католической сказки) (URL: https://fi.wikisource.org/wiki/Perhosen_synty).
- ³³ Перевод автора статьи.
- ³⁴ В 1822–1823 гг. редакторскую деятельность Беккера продолжил Кеккман.
- ³⁵ Например, в просветительских целях в качестве приложения читателям еженедельника выдавалась карта Европы [8, 6].
- ³⁶ URL: <http://materiaalit.internetix.fi/fi/opintojaksot/8kieletkirjallisuus/aidinkieli/kirjasuomi/30kieliopit>.
- ³⁷ Мы лишь вскользь представим суть этой полемике, поскольку начало ее приходится на рассматриваемый нами период времени.
- ³⁸ URL: <http://neba.finlit.fi/oppimateriaali/kielijaidentiteetti/main.php?target=murteidentiaistelu>.
- ³⁹ На письме это выглядело следующим образом: *Keskellä ja Pohjan puolella Suomen maata puhutaan täydellisempätä* (в современном языке лексема оформляется через *d – täydellisempää*) *kieltä* ‘В центре и в ботнической части Финляндии люди говорят на более совершенном языке’.
- ⁴⁰ Старейший университет в Финляндии был основан в Турку в 1640 г. Затем после пожара в 1827 г. он был переведен в Хельсинки и получил название Императорский Александровский университет в Финляндии в честь покойного брата императора Александра I.
- ⁴¹ Кеккман прослужил в должности лектора финского языка Хельсинкского университета до своей смерти (1838 г.).
- ⁴² Кеккман перевел «Беседы» Платона [8, 4]. Финский лингвист прекрасно владел классическими языками. Он был редактором сборника «Древних финских народных стихов, а также современных песен» (“Suomen kansan vanhoja runoja ynnä myös nykyisempiä lauluja”), составленного финляндским священником З. Топелиусом (1818–1898).
- ⁴³ «Култала» была переведена на многие европейские языки. В России сочинения Чокке были известны А. Марлинскому, А. Герцену, Н. Гоголю (и повлияли на замысел повести «Нос»), Ф. Достоевскому, Л. Толстому, Н. Лескову и М. Горькому.
- ⁴⁴ Слова *kulta-la* и *kaleva-la* по структуре схожи – для их образования к корневой морфеме присоединяется аффикс *-la*, обозначающий место. Подобным образом созданы топонимы *Karja-la* ‘Карелия’, *Pohjo-la* ‘Север’, слова *ravinto-la* ‘ресторан’ (от *ravinto* ‘продовольствие’), *pesu-la* ‘прачечная’ (от *pesu* ‘мытьё’) и т. п. *Kultala* с корневой морфемой *kulta* ‘золото’ дословно можно перевести как «Золотые копи». Однако мы намеренно сохранили в переводе названия произведения форму «Култала», чтобы приблизить ее к лексической форме другого названия – всемирно известного эпоса «Калевала». Кстати, Кеккмана и Леннрота связывали дружба и профессиональная переписка. Кеккман был в числе инициаторов издания и редакторов карело-финского эпоса.
- ⁴⁵ Несколько тысячелетий назад у древнефинских племен зародился самобытный вокальный жанр со стихосложением, которому были свойственны аллитерация внутри строки, параллелизм и четырехтактный размер строк, известный в истории культуры как «калеваль-

ский язык» и «калевальский размер» (URL: <http://www.kalevalaseura.fi/kaku/sivu.php?n=p1a2&s=p1a2s7&h=hp1a2&f=fp1s>).

⁴⁶ Сам Кеккман не произносил звук [d], что было характерно для восточных диалектов.

⁴⁷ В современном финском языке союз *eli* имеет пояснительное значение: *lingvistiikka eli kielitiede* ‘лингвистика, или языкознание’; *tonni eli tuhat kiloa* ‘тонна, или тысяча килограммов’; союзы *tai, vai* – противительное значение: *tänään tai huomenna* ‘сегодня или завтра’.

⁴⁸ Латинский и шведский оставались рабочими языками естественных наук в Финляндии вплоть до конца XIX в.

⁴⁹ На заседаниях кружка присутствовали университетские преподаватели, в том числе Рунеберг, Снельман, физик и астроном И. Нервандер (1805–1848), профессор эстетики и литературы Фр. Сигнеус (1807–1881), Кастрен и позднее Топелиус.

⁵⁰ Для названия общества Леннрот создал слово *kirjallisuus* ‘литература’ вместо имевшихся *kirjakeinot* ‘книжные средства’ и *kirjalliset konstit* ‘художественные средства’ [5, 79].

⁵¹ В 1834 г. общество издало рассказ Чекка в переводе Кеккмана; в 1835 г. – карело-финский эпос «Калевала», составленный Леннротом.

⁵² Все перечисленные труды были опубликованы на немецком языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Карху, Э. Г. История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века / Э. Г. Карху. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1979. – 510 с.
2. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. – М. : Наука, 1975. – 347 с.
3. Пеллинен, Н. А. Северно-карельские колыбельные песни калевальского размера [Электронный ресурс] / Н. А. Пеллинен. – Режим доступа: <http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/kalevala>.
4. Ikola, O. Porthan kielenätkijänä // Academia Scientiarum Fennica. – Helsinki : Suomalainen Tiedekatemia ; Year Book, 1983. – P. 7–22.
5. Häkkinen, K. Suomen kielen historia 2. Suomen kielen tutkimuksen historia / K. Häkkinen. – Turku, 2008. – 243 s. – (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja, 78).
6. Haugen, E. Lexicography and language planning. Scientific and Humanistic dimensions of languages / edited by K. Jankovsky. – Washington : John Benjamins Publishing Company, 1985. – P. 571–581.
7. Huhtala, L. Jaakko Juteini – Viipurin värikäs kirjailija [Электронный ресурс] / L. Huhtala. – Режим доступа: <http://www.vsk.net/2011/07/26/jaakko-juteini-viipurin-varikas-kirjailija>.
8. Pääkkönen, I. Ahkeroimia. Piirteitä Carl Niclas Keckmanin elämäntyöstä / I. Pääkkönen. – 2005. – № 26. – 94 s. – (Suomen ja saamen kielen ja logopedian laitoksen julkaisuja).
9. Rapola, M. Suomen kirjakielen historia. I. Vanhan kirjasuomen kirjoitus- ja äänneäsen kehitys / M. Rapola. – Helsinki, 1965. – 342 s. – (SKST, 197 osa).
10. Rintala P. Poikkeako kirjakieli puhutusta arkikielestä liiaksi? [Электронный ресурс] // Kielikello. – 1985. – № 1. – Режим доступа: <http://www.kielikello.fi/index.php?mid=2&pid=11&aid=646>.
1. Karhu, E. G. (1979), History of literature in Finland. From the origins to the end of the XIX century, Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.
2. *Fundamentals of the Finno-Ugric linguistics*. Finnic, Sami and Mordovian languages (1975), Moscow: Nauka.
3. Pellinen, N. A. North Karelian lullabies in Kalevala metre, available: <http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/kalevala>.
4. Ikola, O. (1983), Porthan kielenätkijänä, Academia Scientiarum Fennica, Year Book, p. 7–22.
5. Häkkinen, K. (2008), Suomen kielen historia 2. Suomen kielen tutkimuksen historia, Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja, 78, Turku.
6. Haugen, E. (1985), Lexicography and language planning. Scientific and Humanistic dimensions of languages, Washington: John Benjamins Publishing Company, p. 571–581.
7. Huhtala, L. Jaakko Juteini – Viipurin värikäs kirjailija, available: <http://www.vsk.net/2011/07/26/jaakko-juteini-viipurin-varikas-kirjailija>.
8. Pääkkönen, I. (2005), Ahkeroimia. Piirteitä Carl Niclas Keckmanin elämäntyöstä, Suomen ja saamen kielen ja logopedian laitoksen julkaisuja, № 26.
9. Rapola, M. (1965), Suomen kirjakielen historia. I. Vanhan kirjasuomen kirjoitus- ja äänneäsen kehitys, SKST, 197 osa, Helsinki.
10. Rintala, P. (1985), Poikkeako kirjakieli puhutusta arkikielestä liiaksi?, Kielikello, № 1, available: <http://www.kielikello.fi/index.php?mid=2&pid=11&aid=646>.